

ОБМАН

Андре Септу

Позвольте лучше рассказать вам следующее. Это случилось во Франции, неважно, где именно. Однажды на заре грузовик с вооруженными солдатами увозит из одной известной мне тюрьмы одиннадцать французов на кладбище, где вы должны расстрелять их.

Альбер Камю

Сквозь сон Шарль, как и каждое утро, услышал доносящийся из комнаты сверху приглушенный шум, возвещающий пробуждение Юрга Энгельмайера. Снаружи еще не рассвело. Звук шести шагов от кровати Энгельмайера до окна, скрип щеколды, следом скрип отводимой к стене деревянной ставни. В этот миг раздалось пение первого петуха, тут же подхваченное соседскими петухами.

Птица как будто намеренно ждала сигнала офицера, чтобы бросить свой клич.

Шарлю всегда с трудом удавалось потом снова заснуть. Он представлял себе утренний ритуал немца, который ему пару раз доводилось наблюдать, когда, так и не сумев вновь погрузиться в сон, он тоже поднимался на рассвете. Юрг шумно умывался, затем спустился во двор замка, где солдат подавал ему поводья кобылы, на которой тот отправлялся на часовую прогулку. Вернувшись, он завтракал в столовой, украшенной покореженными доспехами какого-то более или менее славного пращура, один или в компании Шарля.

Вновь заснуть в то утро Шарлю не удалось. Он тяжело потянулся, потер глаза и, нехотя покинув кровать, устроился за письменным столом у окна. Оттуда он сможет увидеть отъезд Энгельмайера на прогулку. Лошадь и солдат, одинаково бесстрастные, ждали внизу. Шарль пожал плечами, взял маленькую записную книжку и открыл ее на первой странице. Несколько строчек были выведены словно по невидимым линейкам, таким же ровным, как в детских прописях. Шарль перечел написанное, зачеркнул одно слово, заменил его другим, которое тоже вычеркнул, предпочтя ему третье. Когда он приготовился начать новую фразу, его отвлек скрип шагов по гравии: во дворе Эн-

гельмайер оседлал лошадь. Прежде чем направиться к лесу, он бросил взгляд на окно Шарля и улыбнулся: он заметил молодого человека, несмотря на то что тот инстинктивно отодвинулся от окна.

Шарль попытался вновь приступить к работе. Но фраза не приходила, и он захлопнул тетрадь, чтобы не поддаваться искушению зачеркнуть то, что было уже написано.

— Я видел вас утром, в окне вашего кабинета. Вы, вероятно, писали? Давно уже я привык вставать рано...

Как всегда, когда Шарль составлял ему компанию за завтраком, Энгельмайер был в превосходном настроении. Француз удивился, что немец читал Пруста, не входившего в число рекомендуемых Рейхом авторов.

— Не забывайте, что я когда-то изучал французскую литературу... и потом, это вовсе не значит, что я прочел дальше первой фразы. Вдобавок с горем пополам...

Шарль взял чашку горячего кофе, поданную ему Эдмундом, ординарцем коменданта.

— Нет, успокойтесь, мсье де Винель, что бы вы там ни думали, «В поисках утраченного времени» я прочел целиком. Благодаря чему смог отыскать по крайней мере одну черту, роднящую вас с Марселем.

Шарль удивленно вскинул брови.

— Боюсь, я вас разочарую, речь идет не о таланте, о нем говорить пока рановато. Но, скажем, такое высказывание вполне могло бы принадлежать вам: «Я смотрю на каждый день как на канун моей еще не распустившейся жизни, которая расцветет только завтра утром».

Шарль не смог сдержать улыбки. Энгельмайер поражал его. Мало того, что он превосходно владел языком, он еще и знал наизусть больше произведений французской литературы, чем подавляющее число французов. Шарль признался, что восхищен его образованностью.

— Скорее это заслуга моей памяти... Образованность...

Немец неожиданно поднялся, и Эдмунд бросился подавать ему пальто.

— Увы, если мы углубимся в нашу излюбленную тему и вновь заговорим о высоких материях, мы задержимся здесь не на один час, а у меня, к несчастью, много работы. Я должен идти. Поклон вашей матушке.

Юрг Энгельмайер щелкнул каблуками и ушел, оставив Шарля де Винеля одного в прохладном и темном зале. Тот знал, что с отбытием офицера и его ординарца утренний ритуал не закончится. Как только отъедет тяжелый Мерседес, дверь в глубине зала откроется и старая служанка Жанна выкатит

в инвалидном кресле мадам де Винель. Паралич и потеря речи были результатом инсульта, случившегося у мадам де Винель на следующий день после смерти ее мужа, скончавшегося от сердечного приступа 20 августа 1934 года. После этой двойной трагедии она вместе с сыном и Жанной жила в замке, возведенном каким-то далеким предком в 1661 году. Со временем и Жанна, возможно из-за чрезмерной преданности, свойственной некоторым слугам в отношении их хозяев, дошла до близкого к немоте лаконизма. Она бы, пожалуй, могла перестать и двигаться, если бы это не мешало исполнению ее обязанностей по уходу за госпожой. Послушать ее, так она открывала рот, только чтобы озвучить мысли своей хозяйки.

Разумеется, сама мысль о том, что они вынуждены терпеть в своем доме вражеского офицера, была мадам де Винель отвратительна. Поражение французов могло стать для нее смертельным ударом, но появление в замке Юрга Энгельмайера вернуло ей силы, пробудив какую-то поистине нечеловеческую волю, живым олицетворением которой она стала во всей своей немоте и неподвижности. Ничто не могло заставить ее находиться в обществе чужака. То же самое, впрочем, можно было сказать и о Жанне. И они обе чувствовали себя глубоко уязвленными

поведением Шарля. Он догадывался, что если бы его мать могла говорить или хотя бы нацарапать несколько слов, это были бы слова проклятия. К тому же Жанна, на время забыв о сдержанности, как-то высказалась по поводу поведения сына госпожи, причем настолько сурово, насколько только могла позволить себе служанка. Шарль в присутствии матери сухо заметил ей, что разговаривать с человеком еще не значит водить с ним дружбу; Энгельмайер жил под их крышей, и было бы неправильно, если бы хозяин дома прятался в темном углу, объясняя свое поведение тем, что враг-победитель занял эти края силой. Общаясь с немцем, Шарль таким образом давал ему понять, что тот у них в гостях, а не наоборот. Однако убедить женщин ему не удалось, о чем ясно свидетельствовали их взгляды этим утром.

Жанна подкатила кресло к его обычному месту, напротив Шарля. Сын поцеловал мать в лоб, поинтересовался, хорошо ли она спала, и коротким жестом поприветствовал готовившуюся подавать на стол служанку. Жанна ответила, что госпожу разбудила лошадь и что она, конечно, сожалеет, что мсье не дождался ее, чтобы вместе позавтракать. Шарль ответил, что был бы рад составить ей компанию, но мать сделала слишком хорошо знакомое сыну движение глазами, и

тот, вздохнув, пожелал обеим хорошего дня и вышел.

Он вернулся в свой кабинет. Мать и Жанна считали, что он недостойн имени, которое носит. Но ведь кроме традиции, кроме прошлого есть и еще что-то.

Он закончил утренний туалет и вышел из замка, собираясь встретиться с невестой, которая скоро должна была освободиться после ночного дежурства в городском госпитале, где она вот уже три года работала медсестрой.

Эстель ждала его перед воротами, охраняемыми двумя часовыми. Она быстро села в машину и поцеловала Шарля. Машина сразу тронулась. Эстель выглядела очень усталой. Она и в самом деле была без сил: ночью пришлось оказывать экстренную медицинскую помощь. Одного немца доставили с острым перитонитом. С оттенком иронии Шарль спросил, оказали ли они ему помощь; разумеется, помощь была оказана. Тогда Шарль заметил, что его мать их действий уж конечно не одобрила бы. Эстель улыбнулась, догадавшись, что Жанна, вероятно, снова не удержалась от замечаний по поводу Энгельмайера. Шарль утвердительно кивнул. Военный грузовик неуклюже маневрировал

впереди, преграждая дорогу. Эстель мягко увещевала Шарля. Он не должен на них обижаться. Сама Эстель ни в чем его не упрекала, но мадам де Винель и Жанна, вероятно, тоже по-своему правы... И потом, как можно сравнивать медицинскую помощь с... Шарль с ироничной усмешкой удивился, что поставить врага на ноги допустимо, но вот разговаривать с ним нельзя. Она предпочла обратить все в шутку: Шарль лукавил, он прекрасно знал, что если бы немцу не оказали должную помощь, это могло бы обернуться репрессиями. Кроме того, долг врачей спасать жизнь, любую жизнь, тогда как Шарль вовсе не обязан поддерживать отношения с Энгельмайером, если только он не надеялся склонить того к пацифизму... Шарль надул губы. Для Эстель он тоже коллаборационист. Она внезапно перестала улыбаться: он говорит глупости. Набирая скорость, Шарль мягко сжал руку Эстель и попросил у нее прощения.

Они замолчали. Теперь Эстель положила руку на бедро жениха и убрала ее лишь когда они подъехали к ее дому. Она вышла и поцеловала Шарля через опущенное стекло. Он напомнил ей, что сегодня вечером она обедает в замке. Она заволновалась: уверен ли Шарль, что Энгельмайера не будет? Беспокоиться не о чем, тот приглашен к какому-

то генералу и вернется очень поздно. Эстель снова поцеловала Шарля: она будет ждать его в семь часов. Прежде чем толкнуть входную дверь, она обернулась. Послала ему на прощание воздушный поцелуй и исчезла.

Эстель его понимала... Шарль де Винель вздохнул и направил машину к замку. Людей, которые его не осуждали, было не так много. Но что, собственно, можно про него сказать? Агреже* филологии, Шарль был одержим только одним желанием: стать писателем — известным писателем. Он еще ничего не опубликовал; единственный оконченный им роман отказались принять «Галлимар», «Грассе» и «Деноэль». Он не стал пытаться счастья в других издательствах, убедив себя, что сейчас неблагоприятное время. Его произведение не могло увидеть свет в этот смутный период. Одинаково далекое и от политики, и от легкого жанра, оно скорее принадлежало Чистому искусству. А войне чуждо Чистое искусство. Поэтому Шарль решил ждать мира, работать и быть осторожным. Осторожным настолько, чтобы поддерживать почти сердечные отношения с вражеским офицером, но не настолько,

---

* Агреже — во Франции ученое звание, дающее право на замещение должности преподавателя лица и некоторых факультетов университета. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

чтобы оказывать ему услуги. Осторожным настолько, чтобы подозревать иногда, что Эстель имеет связи с Сопротивлением, но не настолько, чтобы задавать ей вопросы, опасаясь, как бы она не стала убеждать его к ним присоединиться. Но если бы его гипотеза соответствовала действительности, это бы значило, что Эстель, конечно, приняла решение ни во что Шарля не посвящать. Иногда ему даже казалось, что она могла присоединиться к Сопротивлению только чтобы иметь возможность его оправдать, если однажды немцы потерпят поражение и он должен будет платить по счетам. В противном случае, разве осталась бы она с ним, если бы сама участвовала в борьбе, а его бы подозревала в коллаборационизме? Ведь не рассчитывает же она, что он добудет у Энгельмайера какие-нибудь ценные сведения — их беседы касались только литературы, они никогда не касались войны и ее будней.

Именно поэтому Юрг Энгельмайер и был тем человеком, который после Эстель лучше всех знал и понимал Шарля. Сколько вечеров посвятили они разговорам о французской литературе, которую немец знал великолепно... Он отдавал предпочтение современным авторам: Селин, Монтерлан, а также Мальро, Камю, Сартр, Мориак и другие, в том числе сюрреалисты. Шарль терпеть не мог

Камю и Сартра, он утверждал, что ничего не понимает в этой литературе, лишенной надежды, тошнотворной и капитулянтской. Энгельмайер настойчиво рекомендовал ему прочесть «Постороннего», вышедшего прошлым летом.

— Обязательно его прочтите, мсье де Винель. А еще «Тошноту»... Вы увидите, у этих авторов есть настоящая идейная позиция. Я знаю, вы не верите в идейную позицию... А напрасно. Если Германия выиграет войну, то именно потому, что за победу сражается вся немецкая нация — чего не скажешь о французах. И, хотите вы того или нет, это великие произведения. Я убежден, сейчас их авторы действуют и борются против нас. По крайней мере, Камю. Сартр слишком высокого мнения о себе, он слишком себя любит, чтобы по-настоящему рисковать. Почти как вы...

Они много говорили об этих текстах. Шарль отвергал их безоговорочно. Юрг выступал в роли адвоката, ради удовольствия столкнуть Шарля с реальностью, которую тот никак не желал признавать: он боится, что не сможет реализовать замысел произведения, которое вынашивает в себе.

В те вечера, когда он чувствовал себя более уверенным — поскольку днем ему удавалось написать страничку-другую или составить

набросок плана, к которому он рано или поздно охладает, — Шарль решился бросить вызов Энгельмайеру: как нацистский офицер, в чьи обязанности входит контроль над оккупированной территорией, а не служба цензуры, может терять столько времени, читая тексты, которые так или иначе, в скрытой или явной форме, несут в себе приговор всему, что он олицетворяет в глазах оккупированной Франции? Видя, что Шарль начинает горячиться, Юрг смеялся над его невероятной наивностью. Шарль все же должен понимать: эффективно сражаться с врагом можно только узнав, какова его природа, в чем его самобытность. Офицер сделал однажды признание, которое неприятно поразило Шарля: он удивлялся, как это его коллеги, отвечающие за цензуру, могут быть такими идиотами и пропускать столько подрывных книг, принимая за чистую монету притворную лояльность некоторых издателей вроде Галлимара. Но он предпочитал не вмешиваться, так как, в сущности говоря, ему импонировало, что в стране, где методы вооруженного сопротивления настолько не соответствовали реальным задачам, что это ставило под удар мирное население, которое Спротивление призвано было защищать, самым умным и, может быть, самым эффективным врагом Германии была лите-

ратура. Энгельмайер намеренно эпатировал Шарля. Он прекрасно осознавал, что такое заявление в устах немецкого офицера звучит по меньшей мере странно, и понимал: Шарль упорно не желает признавать способность писателя влиять на ход истории. Такие вечера особенно нравились офицеру. Он забавлялся, ловко жонглируя именами писателей и художников, которые вели борьбу, используя в качестве оружия собственные творения, и иногда при этом даже рисковали жизнью. Если верить ему, это касалось большинства творческих людей. Всякое состоявшееся искусство воздействует на мир. Литература, замкнувшаяся в узких рамках листа бумаги, отстаивающая свое право на «искусство ради искусства», такая литература является истинным продуктом упадка. Шарль взвивался: с подобными аргументами можно приписать литературе все что угодно. Об идейной позиции художника следует судить не по воздействию, оказываемому его произведением, но по его замыслу. Энгельмайер ликовал: на какой планете Шарль вырос? В самом ли деле он наивно считает, что всякое действие совершается осознанно и лишь после взвешенного анализа его последствий? Если Шарль когда-нибудь закончит роман и опубликует его, какое влияние этот роман окажет на читателей или на жизнь самого

романиста? А впрочем, зачем ходить так далеко? Ясно ли Шарль представляет себе те последствия, которые могут иметь для него беседы с вражеским офицером?

Такие замечания в различных их вариациях как правило отбивали у Шарля охоту возражать. Он вдруг замыкался, охваченный тем глухим беспокойством, которое поддерживали в нем и женщины. Энгельмайер наслаждался внезапным молчанием собеседника; иногда он добавлял с немного зловещей улыбкой, что Шарлю не о чем беспокоиться, он будет свидетельствовать в его пользу. После чего комендант обычно разражался смехом, а Шарль в большой растерянности поднимался к себе, чтобы лечь спать. Если он в такую минуту встречал в коридоре Жанну, похоже, взявшую моду шпионить за ним, с тех пор как он стал проводить слишком много времени в компании их незваного гостя, он был обречен на бессонную ночь, в течение которой сама возможность того, что его произведение когда-нибудь будет написано, сводилась на нет командой «Пли!», отданной либо по-французски, либо по-немецки.

Он попросил Жанну приготовить по случаю прихода Эстель праздничный обед. Он знал, что его мать и старая служанка любили девушку. Она нередко подолгу бывала у них,

а когда уходила, мадам де Винель смягчалась до того, что иногда в блеске глаз, обращенных на сына, угадывался даже намек на улыбку. Шарль понимал, что его мать задавалась вопросом, когда молодые люди поженятся; Эстель жила одна, ее родители умерли до войны: ничто не мешало этому союзу. Мадам де Винель очевидно надеялась, что брак положит конец порочащему знакомству ее сына с комендантом Энгельмайером. Может быть, именно поэтому Шарль все еще медлил с решением. Однако последние их с немцем беседы не на шутку встревожили его, и ему казалось теперь, что свадьба или по крайней мере объявление о ней принесли бы ему облегчение, даже чувство безопасности — и улучшение в отношениях с матерью. С согласия невесты он также решил обсудить этим вечером детали события, которого так ждали женщины — включая и Эстель. Даже если она никогда и не заговаривала с ним на эту тему, радость, озарившая ее лицо, когда Шарль срывающимся от волнения голосом поделился с ней своими планами, красноречиво свидетельствовала о том, насколько это решение отвечало ее ожиданиям.

***

Обед проходил безмятежно. Жанна, благодаря кузену фермеру, смогла побаловать их

превосходной едой. Она достала две бутылки бордо из тайника, где у нее были припрятаны некоторые припасы, подальше от завидующих взглядов Энгельмайера. Сидя за столом напротив мадам де Винель, по левую руку от Эстель, она расспрашивала девушку о ее работе, и Шарль не мешал мирному течению беседы, которая, если только не вспоминать о том, что немцы тоже бывают большими, никаких неприятных сюрпризов, кажется, не предвещала. Напротив, очевидно догадываясь об особых причинах этого обеда, обе женщины, бессловесная и немногословная, выказывали по отношению к Шарлю крупную прежней симпатии.

Эстель казалась счастливой; лишь ее улыбка, с которой она время от времени смотрела на жениха, выдавала легкое беспокойство: через час Шарль должен был отвезти ее в госпиталь, а о свадьбе пока не было сказано ни слова. Шарль обещал себе, что когда в разговоре возникнет пауза, он наконец отважится; но разговор уже дважды прерывался, а он все не мог решиться, и Жанна возобновляла беседу, задавая Эстель очередной вопрос.

Эстель рассказывала теперь об одной молодой матери, пару ночей назад родившей мальчика. Ее муж находился в плену в Германии. На вопрос, как она решила назвать ребенка,

женщина ответила: «Шарль». Затем прошептала так, чтобы слышала только Эстель: «Как де Голля». Эстель простодушно засмеялась; лица Жанны и мадам де Винель стали задумчивыми при упоминании о том, кто был для них только голосом, доносящимся из дали радиоэфира, но символизировал в их глазах гордость сражающейся Франции, свободной и несокрушимой. Тем не менее они удержались от слишком многозначительных взглядов в сторону Шарля, предпочтя им красноречивое молчание.

Момент показался Шарлю благоприятным, и он уже начал было давно заготовленную фразу, когда послышался заставивший их вздрогнуть шум мотора. Дамы обратили к Шарлю взгляды полные тревоги, которая у старушек быстро сменилась укоризной.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Энгельмайер в сопровождении Эдмунда, которому он протягивал свое пальто. Увидев, что все сидят за столом, он остановился и улыбнулся.

— Прошу извинить мое вторжение, мадам.

Он с чувством поприветствовал мадам де Винель, упорно отводившую глаза и казавшуюся сейчас особенно неподвижной в своем гордом параличе. Ничуть не смутившись, Энгельмайер продолжил:

— Вечеринку в честь маршала Ромеля, на которую я был приглашен сегодня вечером,

отменили в последний момент. Но я не хотел бы вам мешать; Эдмунд накроет мне на кухне.

Жанна тотчас же вскочила и, не глядя на немца, заявила, что в этом нет нужды, они с госпожой закончили обедать и как раз собирались уйти. Она сердито добавила, что Шарль, конечно же, с удовольствием составит офицеру компанию, и схватилась за кресло парализованной. Простившись только с несчастной Эстель, ошеломленной таким поворотом событий, дамы покинули комнату. С ничуть не померкшей улыбкой Энгельмайер проводил их глазами, затем обратился к Эстель:

— Не хотел бы доставлять вам неудобства, мадмуазель...

Эстель неопределенно качнула головой, и Шарль пригласил немца к столу; как раз оставалось немного мяса. Энгельмайер занял место мадам де Винель. Эдмунд поспешил убрать со стола и принести чистый прибор.

— Жаль, — вновь начал офицер. — Не так часто мне выпадает удовольствие и честь провести несколько минут в обществе вашей матушки и этой милой дамы, которая ей так предана... Удивительные женщины... как характеры...

Он повернулся к Эстель.

— Читали ли вы «Рассказы вальдшнепа» Мопассана, мадмуазель?

Эстель сделала тот же не поддающийся истолкованию жест.

— Мадам де Винель навела меня на мысль о рассказе, который называется «Старушка» или «Сумасшедшая», если я правильно помню. Перечитайте его, вы увидите, что две войны научили немцев уважать старых эксцентричных француженок...

Эстель бросила безумный взгляд на Шарля, тот посмотрел на часы и вздохнул с облегчением. Он заметил, что уже около десяти и что Эстель нужно возвращаться в госпиталь на дежурство. Он просит Энгельмайера извинить их, они вынуждены его покинуть. Энгельмайер вытер рот и поднялся одновременно с Шарлем.

— О, разумеется. У вас замечательная работа, мадмуазель. Я восхищаюсь теми, кто самоотверженно посвящает себя заботе о больных и раненых. Кем бы те ни были.

Затем, повернувшись к Шарлю:

— Я охотно попросил бы Эдмунда отвезти мадмуазель, но догадываюсь, что вы предпочтете сделать это сами. Буду ждать вас в гостиной, если не возражаете. Я принес кое-что, что должно вас заинтересовать.

Опасаясь, как бы его невеста по примеру пожилых дам не ответила за него, приняв предложение коменданта, Шарль поблагодарил его и увел Эстель лишь только

офицер легко коснулся губами ее дрожащей руки.

В скудном свете луны, заливающим затемненный в комендантский час город, Шарль догадался, что Эстель беззвучно плачет. Он неловко попытался утешить ее, попенял на непредвиденное изменение программы, на тяготы оккупации. Эстель молчала, и он не знал, согласна ли она с ним, слышит ли она его. Однако Шарль продолжил: конечно, если бы его мать не была инвалидом, они могли бы пообедать в городе. Они устроят все снова, в любом случае это никак не меняет их планов, не правда ли? Когда у них будет уверенность, что комендант им не помешает... На этот раз он ждал, что Эстель согласится с ним. Ему пришлось повторить свой вопрос. Наконец девушка овладела собой и повернулась к жениху, пытаясь изобразить на своем лице слабую улыбку. Нет, конечно, это ничего не меняет, но нужно подождать, чтобы быть абсолютно уверенными, что двум старым женщинам не придется больше подвергаться такому унижению. У Шарля отлегло от сердца, он был благодарен Эстель за то, что она не включила себя в число тех, кому было нанесено оскорбление.

В этот момент их остановил патруль. Солдат едва взглянул на документы. Шарль

и Эстель сделали вид, что не заметили подчеркнуто любезного приветствия патрульного, когда тот узнал человека, в чьем доме живет комендант.

Они подъехали к госпиталю. Шарль наклонился к Эстель в надежде полностью стереть сегодняшнее фиаско долгим поцелуем, но она, опередив его, чмокнула Шарля в щеку, улыбнулась, нежно коснулась его лба и направилась к воротам, охраняемым часовым. Теперь настал ее черед принимать приветствие.

Когда Шарль вернулся к себе, Энгельмайер ждал его в гостиной. Эдмунд зажег камин. На низком столике — вторая бутылка вина, которую гости едва успели почать, рядом — два полных бокала. Энгельмайер взял один и протянул его Шарлю.

— Держите, мой дорогой. Отменное вино. Я не знал, что такое еще осталось.

Шарль поблагодарил его и взял бокал.

— Мне действительно неловко, что я прервал ваш обед. Вы, должно быть, отмечали какое-то важное событие.

В ответах огня, служивших единственным освещением в комнате, Шарль не смог рассмотреть, было ли выражение лица офицера серьезным или ироничным. Он ответил уклончиво, немец не настаивал и вернулся

за стол, жестом пригласив Шарля сделать то же самое.

В наступившей затем тишине Шарль поймал себя на том, что в своих мечтах он на безмятежном дружеском ужине, где-то далеко от войны... Если бы только это могло быть правдой... но тотчас он мысленно увидел суровое лицо матери и напрягся в кресле.

— Франция — поразительная страна... Эта страсть к литературе, эта вера в ее ни с чем не сравнимую ценность и в ее бесконечную власть...

Голос Юрга был искренним, взволнованным и горячим, как потрескивающие в камине поленья.

— Сегодня на нас с неба неожиданно свалился привет от Сопротивления... и говорю я вам об этом, несмотря на ваше презрение к подобным формам борьбы, только потому, что дело касается литературы.

Он указал пальцем на лежащую на столе тоненькую брошюру, которой Шарль прежде не заметил.

— Англичане бомбардировали Францию этим текстом. Это уже посерьезнее, чем поэма... Вы удивитесь, прочитав его. У вас, возможно, возникнет даже странное ощущение, что там описана наша ситуация. Если бы я не знал вашего отвращения к идеологии, я бы, пожалуй, решил, что под псевдонимом

Веркора* скрываетесь вы. Но я не думаю, что вы изобразили бы меня таким образом. В общем, вы сами все увидите. Прочтите эту новеллу, мне было бы любопытно узнать ваше мнение. А я поделюсь с вами моим, думаю, оно вас удивит.

Шарль взял книжечку в руки с опаской и неприязнью. «Молчание моря»... Название сразу же показалось ему нелепым. Когда он начал ее пролистывать, немецкий офицер поднялся.

— Мы поговорим об этом завтра, если пожелаете. Приятного вам чтения, меня ждет работа.

И, прежде чем затворить за собой дверь, добавил тоном, заинтриговавшим Шарля:

— Желаю вам доброй ночи...

Оставшись один, Шарль закрыл книгу. Его задумчивый взгляд был устремлен на огонь. Какой странный человек этот Энгельмайер... Шарль допил вино. Разочарование от вечера потихоньку стиралось. Жанна и его мать спали в своих комнатах. Эстель работала в госпитале, пытаясь облегчить чьи-то страдания, усугублявшиеся по ночам тоской. Эстель улыбнулась ему на прощание.

---

* Веркор (наст. имя Жан Брюллер) (1902–1991) — французский писатель, автор повести «Молчание моря» (1942) и книги мемуаров «Битва молчания» (1967) о Движении Сопротивления.

Шарль постарается как можно быстрее снова организовать обед, и на этот раз он попросит Энгельмайера оставить ему вечер. Шарль был уверен, что немец его поймет; да, он враг конечно, но враг, насквозь пропитанный французской культурой и литературой... Ах, если бы не было войны! Шарль ничего не желал так страстно; и поскольку наивно было мечтать о том, чтобы происходящее вокруг каким-то чудом оказалось бы сном, он мечтал о дне, когда война закончится, когда жизнь сможет опять войти в нормальное русло. Для Шарля это нормальное русло было руслом его вдохновения, руслом, которым его жизнь на самом деле еще никогда не текла. Его литературные амбиции со всей определенностью заявили о себе лишь незадолго до оккупации. Но когда закончится война... Кто бы ни стал победителем — Шарль, конечно, предпочитал, чтобы это были не немцы, — его талант раскроется и получит признание. И кто знает, он, возможно, не потеряет связи с Энгельмайером и пошлет ему свое первое опубликованное произведение... в тайне от матери, разумеется.

Мысль о матери напомнила ему о новелле, которую дал ему комендант. Он погрузился в чтение.

Жанна обнаружила его на рассвете спящим в кресле. Увидев упавшую на пол

книгу, она тотчас бросилась ее поднимать. Шарль открыл глаза и впервые с мая 1940 года встретил на лице старой женщины обращенную к нему лучистую улыбку.

— Осторожно, мсье Шарль. Бош не должен застать вас с этим. Моя кузина вчера принесла мне один экземпляр... Я прочла его вашей матери. Нынче ночью, когда... В общем... Кузина утверждает, что это вы написали. Вначале я не хотела ей верить, вы уж на меня не обижайтесь, но ведь вы так часто с ним беседуете... Когда же я прочла, шепотом, чтобы никто не услышал, я подумала, что там описана в точности наша история и одновременно обратная ей и что вы встречаетесь с ним, может быть, для того чтобы собрать материал для книги или информацию для... Сопротивления. А теперь, когда я застала вас здесь, с этой книгой... Ваша мать будет вами гордиться и... какое ей будет утешение... после всего что произошло!

Шарль слушал служанку, ошеломленный, неспособный остановить поток этого вздора. Он позволил ей спрятать опасную улику в выдвижной ящик, хотел было возразить, что она глубоко ошибается, но в последний момент передумал. Он готов был дать любую цену, лишь бы улучшить отношения с матерью... И вот совершенно неожиданным образом незнакомый участник Сопротивления

подносит ему желаемое на блюдечке, причем руками нацистского офицера... Некий текст, который кроме всего прочего вызвал у Шарля глубокое раздражение — описанные взаимоотношения показались ему абсолютно искусственными, и по окончании чтения он был убежден больше чем когда-либо, что литература не должна участвовать в борьбе! Еще не до конца проснувшись, он чуть было не рассмеялся. Его улыбку Жанна истолковала как молчаливое признание, подтверждавшее ее предположения.

К счастью, Энгельмайер уже ушел. Шарль позавтракал с матерью, которой Жанна на ухо сообщила великую новость. Ее глаза сияли, и сердце Шарля наполнилось радостью: он вновь ловил на себе взгляд матери, лучащийся той нежностью, которой Шарль был лишен со дня появления в их доме немца. В то же время, он ощутил беспокойство при мысли о том, что все это держалось только на обмане и что если правда обнаружится, он будет опозорен без какой-либо надежды на оправдание. Ему снова пришла мысль во всем признаться, и снова он ничего не сделал. Это неожиданно свалившееся на него счастье было слишком драгоценно, чтобы пустить его на ветер; может быть, вдобавок, то был знак судьбы. Война не лишала его возможности продвигаться в

своих писательских проектах. Этот Веркор мог исчезнуть... но Шарль тотчас отбросил такой вариант; соратники по Сопротивлению подтвердили бы авторство. Да и мог ли Шарль хотеть сделать себе литературное имя не только на смерти смелого человека, героя, но также на тексте, который до такой степени противоречил всему, во что он верил? Поистине, чтобы заблуждаться таким образом, нужна была глупость Жанны, столь же скорой на похвалу по ошибке, как и на осуждение по недоразумению. Шарль внимательно всматривался в лицо матери: действительно ли она искренне во все это верила? Она ведь была гораздо умнее Жанны... Впрочем, как знать. Несчастный случай мог вызвать необратимые изменения, которые отразились и на ее рассудке — или потеря речи могла со временем привести ее к состоянию полусознания, особенно в руках скудоумной идиотки служанки, забивавшей хозяйке голову бог знает какой чушью, точно ребенку.

В конце концов, только мать и Жанна были в курсе. В курсе... И потом, война закончится не завтра, он в любой момент сможет заявить, что никогда не утверждал, будто является автором этого текста. Он повторял себе, что было бы глупо упустить такой шанс и лишиться мать радости; но сердце его все-таки было не на месте. Кофе

остыл. Мать дремала в кресле. Жанна хлопотала на кухне.

Шарль тоном конспиратора заставил ее поклясться, что она никому ничего не расскажет, даже кузине — это всех их троих подвергнет опасности. Жанна оскорбилась, что он мог считать ее способной на предательство, и с заговорщицкой улыбкой пообещала, что будет нема как рыба. Шарль ей не поверил.

Он поднялся в свою комнату, собираясь поработать; хотя бы для того, чтобы доказать, что, не являясь автором того текста, который он оценил как посредственный, он может предъявить миру произведение, достойное его имени!

Он вновь открыл серую записную книжку, ничего не перечитывая перевернул страницу и принялся за сюжет, идея которого вертелась у него в голове последние три или четыре дня, еще не до конца оформившись, — история несчастной любви в XVIII веке между непонятым, как все гении, музыкантом и женой средней руки писателя...

Ему удалось за утро набросать несколько страниц. Незадолго до полудня он поднял голову, удовлетворенный: впервые роман начинался у него с такой легкостью... Разумеется, он не мог продолжать в том же духе, и дальше продвигаясь на ощупь. Ему следова-

ло бы составить как можно более детальный план работы. Он перевернул тетрадь и открыл ее с другой стороны. На первой странице он написал: «План романа», затем подумал, что неплохо было бы также придумать хорошее название.

Но тут прозвенел колокол к обеду. Шарль оторвался от работы с легким сердцем.

Пообедав, он отправился к Эстель и предложил ей прогулку за город. Она удивилась. Шарль не любил ходить пешком и, хотя она часто предлагала ему пройтись, соглашался он редко и неохотно. Но сегодня Шарль был сама бодрость. Они долго бродили, наслаждаясь нежным воздухом лета, которое как будто и не знало о войне. Когда позволяла дорога, он обнимал ее или она сама прижималась к нему.

Они почти не разговаривали, разве только о красотах пейзажа. Она, вероятно, недоумевала, откуда взялась эта его внезапная веселость после ужасного вчерашнего вечера. Со своей стороны Шарль решил не упоминать об ошибке Жанны; нынче утром он наконец начал — и как начал! — роман, который откроет ему дорогу к признанию. Об этом он непременно расскажет Эстель; но он не спешил и заранее смаковал этот момент.

Они достигли поросшего тихим подлеском речного берега. Эстель сняла туфли и присела на камень, опустив ноги в воду. Течение обожгло ее холодом так, что она вскрикнула; затем залилась хрустальным смехом и предложила Шарлю сесть рядом.

Тогда, не отрывая глаз от струящейся вокруг их лодыжек воды, Шарль поделился с ней большой новостью. Эстель поцеловала его в шею и, поколебавшись, что несколько озадачило Шарля, вымолвила:

— Вот почему ты так весел...

— Мама тоже счастлива...

Эта фраза вырвалась у него сама собой, Шарль даже не успел подумать.

— Твоя мать?

Эстель смотрела на него настороженно. Шарль, не дрогнув, встретил ее испытующий взгляд.

— Ну да, я тебя уверяю. Я сам был удивлен, после того, что произошло вчера вечером. Она улыбнулась мне утром, когда я ей объявил...

Шарля понесло, и он уже не смог остановиться на этой полулжи. Он не сомневается, что ему удастся в самое ближайшее время организовать новый вечер, который Энгельмайер не испортит, и вскоре они смогут пожениться. Затем, умолкнув от нахлынувшего счастья, не желая больше ничего

говорить, он в долгом поцелуе приник к губам невесты.

Солнце садилось, когда Шарль отвез ее домой. Затем он вернулся в замок.

Машина коменданта стояла во дворе. Шарль знал, что теперь ни матери, ни Жанны он не увидит и что, судя по всему, немец ждал его, чтобы вместе поужинать.

Действительно, Эдмунд накрыл на двоих в столовой, и по встречавшим его ароматам Шарль догадался, что офицер заказал праздничный ужин. На какой-то момент Шарль испугался, что это может повредить оттепели в его отношениях с матерью, но тут же успокоился: до тех пор пока Жанна убеждена, что он играет роль двойного агента, работающего на Сопротивление, он ничем не рискует.

Юрг появился одновременно с Эдмундом.

— А, мсье де Винель! Мне не терпелось увидеть вас снова. Надеюсь, у вас было время прочитать новеллу, которую я дал вам вчера. Мы проведем с вами чудесный вечер, как во времена моей учебы! Но пока мы не сели за стол и не начали наш *disputatio**, не желаете ли аперитив? Мне подарили бутылку великолепного пино...

Прежде чем Шарль успел ответить, Энгельмайер сделал знак Эдмунду наполнить

---

* Беседа, спор (*лат.*).

два бокала и пригласил Шарля сесть. Залпом осушив половину своего бокала, он положил ногу на ногу.

— Сегодня в полдень мы долго говорили об этом тексте с лейтенантом фон Хопшталем, моим помощником. Он тоже его прочел. Он хорошо владеет вашим языком, но у него нет достаточного литературного образования. Фон Хопштал математик. Он не сомневается, что автором текста являетесь вы, и сделал все, чтобы убедить в этом и меня... Но поскольку он не слишком-то компетентен в таких вопросах, в которых, как он знает, хорошо разбираюсь я, мне без особого труда удалось убедить его, что ряд буквальных расхождений между ситуацией «Молчания» и нашей с вами является достаточным доказательством того, что вы не могли бы быть Веркором.

Шарль постарался не выдать своего беспокойства.

— Буквальных? Почему вы говорите «буквальных»?

Энгельмайер рассмеялся.

— Ах, вот почему я люблю беседовать с вами; вы так тонко схватываете нюансы! «Буквальных»... вы не хуже меня знаете, что сущность работы писателя заключается в том, чтобы трансформировать реальность, дабы сделать ее неузнаваемой и, следова-

тельно, более достоверной. То есть мне, умеющему читать, кажется, что теоретически вы очень даже могли бы быть вышеупомянутым автором. Но не волнуйтесь, я не стал развивать подобные соображения перед фон Хошталем.

— Уверяю вас, что...

Голос Шарля дрожал.

— Не трудитесь. Не трудитесь, мсье де Винель, вам не нужно оправдываться. Я не переменял мнения и по-прежнему думаю, что не вы написали текст, потому что теории теориями, но я знаю вас и считаю, что вы не способны на двуличность. Но вернемся к тексту. Каково ваше мнение?

Прежде чем ответить, Шарль допил вино, оставшееся в бокале.

— Рискую вас разочаровать, он совершенно не произвел на меня впечатления.

— Это меня не удивляет! Пойдемте, вы за столом объясните мне, почему.

Эдмунд уже принес блюда и ждал, когда мужчины займут места, чтобы подавать. Едва он вышел, Энгельмайер снова вцепился в Шарля. Тот повторил, что он не признает политически ангажированной литературы, что недостаточно выбрать темой новеллы литературу, чтобы сделать из текста нечто, представляющее художественную ценность.

— Вещь плохо написана. И потом, я вообще не вижу, какую пользу Сопротивление могло бы извлечь из этого. Если оно думает, что наше молчание заставит ваших соотечественников обратиться восвояси...

— Вы чудак, мсье де Винель! Не знаю, что сказала бы ваша матушка на такой комментарий...

— Моя мать парализована и лишена речи.

— Прошу прощения. Вы правы. Но я полагаю, что, будь она здорова, разница была бы не столь уж велика, она бы все равно молчала — что, впрочем, демонстрирует нам и та дама, которая так ей предана. Но, может быть, речь идет скорее о воззвании к... достоинству, чем о призыве к сопротивлению? Франсуази, если вы не сражаетесь с немцами, не ведите с ними по крайней мере бесед! Мне докладывали о многочисленных случаях, когда наши храбрые солдаты тратили в Париже часы, чтобы найти дорогу, потому что прохожие отказывались им отвечать или посылали их в другую сторону. Если подобный образ действий получит распространение, есть риск, что тем, кто поддерживает отношения с оккупантами, даже если это лишь отношения вежливости, однажды будет вынесен очень суровый приговор... Если, конечно, мы когда-нибудь потерпим поражение! Рассматривали

ли вы ситуацию под этим углом? Вы не боитесь?

— Послушать вас, так мне в любом случае не избежать сурового приговора: или немцы примут меня за певца Сопротивления, или французы обвинят меня в коллаборационизме...

— Мы существуем только во взгляде, который на нас устремлен! По крайней мере, такую идею развивает один из наших философов, Гуссерль. И каждый взгляд судит по-разному: лейтенант фон Хопшталль вас видит так, я иначе, то же самое можно сказать о вашей матушке и невесте. То, чем вы являетесь, или полагаете, что являетесь, в действительности не имеет большого значения...

— И что тогда прикажете мне делать? Вы думаете, большинство французов поступают иначе, чем я?

— Нет, я так не думаю, — хотя тех, кто в своих замках оказывает гостеприимство немецким офицерам, вряд ли так уж много. Что же касается того, что вам делать... может, вам следовало бы совершить какой-нибудь поступок...

— Поступок?

— Да. Присоединиться к Сопротивлению или начать добровольно сотрудничать с оккупантами. Или написать книгу, которая недвусмысленно проиллюстрировала бы ваш

выбор: продолжать оставаться вне конфликта, чтобы как можно полнее реализовать себя в творчестве.

Тут Шарль, сам того не желая, признался, что он начал роман, и тотчас почувствовал, что Энгельмайер лучше его самого понял, почему этот текст внезапно хлынул с такой легкостью.

— Вот видите! Я уверен, у вас выйдет великолепный роман. Очень отличающийся от этой новеллы... Надеюсь, вы позволите мне прочесть вашу рукопись, хотя бы несколько страниц... Как я вам уже говорил, у меня есть пара мыслей насчет «Молчания моря», которые вас удивят...

Энгельмайер объяснил, что, по его мнению, противоположному мнению большинства читателей, и, вероятно, замыслу автора, молчание в этой новелле не было олицетворением достоинства и свободы двух французов; оно было единственным выбором, который оставили им немцы-победители, к тому же выбором довольно удушающим. Собираясь проиллюстрировать свои слова, Энгельмайер попросил Шарля дать ему текст. Шарль испугался, что не сможет отыскать книжечку, затем вспомнил, как Жанна положила ее в выдвижной ящик. К счастью, брошюра все еще была там.

— Вы мудро поступили, спрятав ее. Попади она в руки вашей служанки, та тоже вообразила бы, что вы ее автор...

Шарль, ни слова не говоря, протянул книжечку офицеру. Тот пролистал ее и приступил к детальному анализу. Конечно, Юрг находил, что фон Эбренак карикатурен со своими замашками юнкера, напичканного культурными идеалами, и с гордостью, которая довела его до самоубийства, — а как иначе интерпретировать его отъезд на Восточный фронт? Но если оставить это в стороне, текст был замечательно выстроен, напряжение в нем ступенчато нарастало к центральной главе.

Шарль восхитился аналитическими способностями немца, умудрявшегося находить интерес даже в разборе столь безликих текстов — так как относительно качества произведения Энгельмайеру не удалось изменить мнение Шарля.

— Я не пытался вас переубедить, мсье де Винель. Я только хотел воспользоваться случаем, чтобы поговорить с вами о литературе. С начала войны вы мой единственный достойный собеседник в этой области.

Эдмунд принес сыры. Некоторое время мужчины пили и ели молча. Затем Энгельмайер отодвинул стул, сходил за бутылкой коньяка и наполнил две рюмки.

— Я провел с вами очень приятный вечер. Кстати, мне показалось, что вчера своим неожиданным возвращением я прервал важный обед. На будущее, будьте со мной откровеннее, мсье де Винель. Предупреждайте меня, и я не появлюсь до того часа, который вы мне укажете.

Шарль торопливо пробормотал, что это очень любезно, что им действительно нужно уточнить в семейном кругу... важные детали по поводу...

— Ни слова больше. Я прекрасно понимаю. Мне как раз предстоит инспекционная поездка по предместьям; будущая пятница вам подошла бы? Тем более что, насколько мне известно, ваша очаровательная невеста в отпуске начиная с конца этой недели...

Шарль пробормотал еще несколько благодарственных слов. Затем, допив свой бокал, Энгельмайер простился с ним и, прежде чем покинуть комнату, произнес с улыбкой:

— Я желаю вам... чтобы роман удался!

***

В последующие дни Шарль видел Энгельмайера только издали. Признаки потепления, вызванного ошибкой Жанны, стали еще заметнее, когда Шарль пообещал, что у них будет спокойный семейный ужин в бли-

жайшую пятницу. И никто даже не подумал поставить под сомнение это утверждение, хотя один раз их планы уже срывались. Энгельмайер дал слово, а, как почти с гордостью Шарль заявил Эстель, слово офицера, пусть и немецкого, нерушимо. Он заверил Жанну, что даже если инспекционная поездка будет отменена, Энгельмайер не появится в замке раньше полуночи.

Но пожалуй, ярче всего перемены, вызванные этой внезапной оттепелью, проявились в отношениях Шарля с матерью. Конечно, только ее глаза выдавали вернувшуюся нежность, но они сияли ему навстречу каждый раз, едва только Шарль появлялся. Как-то после обеда он предложил почитать ей вместо Жанны. Он подумал, что от сильных эмоций к ней возможно вновь вернется способность говорить, и, кто знает, может быть даже двигаться. Закрывшись в комнате на первом этаже, бывшем кабинете его отца, он прочитал приглушенным для конспирации голосом ту новеллу, которая ему не нравилась, но которая была так ему на руку. Пришедшая послушать Жанна устроилась в уголке. Обе женщины внимали ему с закрытыми глазами и оставались так сидеть еще некоторое время после того, как чтение закончилось. Затем Жанна высказала то,

что, по ее мнению, должна была чувствовать и ее парализованная хозяйка:

— Совсем другое дело, когда читает сам автор... Сразу понимаешь, что вы знаете этот текст лучше, чем кто бы то ни было...

Шарль ничего не ответил и откинулся в кресле. Он лишь спрашивал себя, осмелится ли он в следующий раз представить на их суд несколько страниц своего романа.

Его работа продвигалась хорошо. План был уже продуман, и каждый день на расвете, разбуженный звуками, возвещавшими подъем офицера, Шарль вскакивал с кровати и принимался писать с такой легкостью, которая вызывала у него удивление и восторг. В три дня он закончил две первые главы – предполагалось, что их будет семь. Плюс пролог и эпилог.

Затем, после приятного тяжелого труда, он направлялся к Эстель, которую, кажется, радовало, как разворачиваются события с того катастрофического вечера. И если историю с новеллой он по-прежнему держал в секрете, то о своем романе говорил много и охотно. И Эстель слушала его со вниманием и удовольствием, которое Шарль принимал за гордость.

На рассвете в пятницу Шарль проснулся и приступил к работе даже раньше, чем под-

нялся Энгельмайер. Но петух пропел только когда открылись ставни.

Прогулки верхом в это утро не было. Несколько минут спустя Шарль заметил Эдмунда, укладывавшего маленький чемоданчик в багажник машины. Энгельмайер вышел во двор. Прежде чем сесть в машину, он взглянул на окно Шарля, и на этот раз Шарль не стал прятаться. Мужчины с видом едва ли не заговорщиков обменялись дружескими приветствиями, затем машина уехала.

***

Столь долгожданный вечер прошел без сучка без задоринки. Шарлю удалось помешать Жанне завести разговор о новелле, и они занялись обсуждением деталей свадьбы, которую все, кажется, желали сыграть как можно скорее. Молодожены поселятся в замке. Для них приготовят большую комнату, которая раньше, до несчастного случая, произошедшего с матерью Шарля, была спальней его родителей. А та, которую он занимает сейчас, станет его кабинетом. Свадьбу договорились отпраздновать очень просто, не только в силу обстоятельств, но и потому, что таково было общее желание. Впрочем, оказалось, им почти некого пригласить, так что в какой-то момент даже возникла

заминка с выбором свидетелей. Проблема тем не менее была разрешена: Эстель обратится к главному врачу, хорошему человеку, он будет рад сыграть эту роль, Шарль же остановил свой выбор на Жанне, та покраснела от счастья. Им удалось даже ни разу не произнести имя своего непрошенного гостя; впрочем, им будет нетрудно избежать его присутствия, потому что после церемонии они решили отправиться в ресторан «Короли Франции» — лучший в городе — со свидетелями и двумя или тремя приглашенными. Привезти туда мадам де Винель будет не так просто, но в технические детали они предпочли пока не слишком вдаваться. Эстель была знакома с хозяином ресторана и уверяла, что они смогут воспользоваться дальним залом, чтобы посидеть своим кругом, в стороне от других посетителей — и никто не стал уточнять, что эти «другие посетители» были в своем подавляющем большинстве немцами или спекулянтами.

Лето подходило к концу. Они назначили свадьбу на первую субботу ноября.

Комендант Энгельмайер вернулся на следующий день ближе к вечеру. Незадолго до того Эстель, воспользовавшись отпуском, поехала навестить старую тетушку. Вернуться в город она должна была только в воскресенье.